

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2020»

Москва, 17–20 июня 2020 г.

ДИНАМИКА СТИЛЯ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ XIX ВЕКА: КОРПУСНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ¹

Баранов А. Н. (baranov_anatoly@hotmail.com),
Добровольский Д. О. (dobrovolskij@gmail.com)

Институт русского языка РАН, Институт
языкознания РАН, Москва, Россия

Рассматривается гипотеза о том, что распределение дискурсивных слов характеризует тенденции развития стиля письменной речи XIX века. Излагаются и обсуждаются результаты эксперимента на материале Национального корпуса русского языка по исследованию частоты использования дискурсивных слов с семантикой эпистемической модальности: *конечно, разумеется, по-видимому, как кажется, казалось бы, наверно, вероятно, пожалуй, действительно* и др. Показывается, что частоты этой группы выражений возрастают во второй половине XIX века. Аналогичная тенденция прослеживается также для некоторых синтаксических конструкций с той же семантикой: *(я) думаю, что...; (я) считаю, что...; (мне) кажется, что...* Выявленная закономерность рассматривается как дискурсивная практика в изменении стиля художественной литературы, которая заключалась в расширении модусной части высказывания по сравнению с более ранним периодом.

Дискурсивная практика расширения модуса была присуща лишь группе писателей-новаторов (прежде всего, Ф. М. Достоевскому, М. Е. Салтыкову-Щедрину, Л. Н. Толстому, И. А. Гончарову, А. Ф. Писемскому, П. И. Мельникову-Печерскому, Н. С. Лескову и И. С. Тургеневу), которые, однако, в силу таланта, общественной значимости и количества опубликованных текстов оказали существенное влияние на язык художественной прозы.

Задача исследования динамики художественного стиля заключается в выявлении и описании комплекса дискурсивных практик, формирующих письменный дискурс как таковой.

Ключевые слова: дискурсивные слова, авторский стиль, корпусный подход, динамика стиля

DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-48-61

¹ Работа выполнена в рамках проекта № 18-012-90025, поддержанного РФФИ.

STYLE DYNAMICS OF THE RUSSIAN WRITTEN SPEECH OF THE 19TH CENTURY: A CORPUS STUDY

Baranov A. N. (baranov_anatoly@hotmail.com),

Dobrovolskiy D. O. (dobrovolskiy@gmail.com)

Russian Language Institute of the RAS, Institute of Linguistics
of the RAS, Moscow, Russia

The starting point of the present paper is the hypothesis that the distribution of discursive words characterizes the trends in the development of the writing style of the 19th century. The paper presents and discusses the results of an experiment based on the data of the Russian National Corpus on the frequency of using discursive words with the semantics of epistemic modality, such as *konechno*, *razumeetsya* (both roughly meaning 'of course'), *po-vidimomu* 'apparently', *kak kazhetsya*, *kazalos' by* (both ≈ 'it would seem'), *naverno* ≈ 'as it were', *veroyatno* 'probably', *pozhalyu* ≈ 'maybe', *deystvitel'no* 'really', etc. We show that the frequency of this group of expressions increases in the second half of the 19th century. A similar trend is also observed for some syntactic constructions with the same semantics: *(ya) dumayu, chto...* '(I) think that...'; *(ya) schitayu, chto...* '(I) believe that...'; *(mne) kazhetsya, chto...* 'it seems to me that'. The revealed regularity is considered as a discursive practice in changing the style of fiction, which consisted in expanding the modus part of the utterance as compared to the earlier period.

The discursive practice of expanding the modus was inherent only to a group of innovative writers (first of all, F. M. Dostoevsky, M. E. Saltykov-Shchedrin, L. N. Tolstoy, I. A. Goncharov, A. F. Pisemsky, P. I. Melnikov-Pechersky, N. S. Leskov, and I. S. Turgenev), who, however, due to their talent, social significance, and the number of published texts, had a significant impact on the language of fiction.

The task of studying the dynamics of artistic style is to identify and describe a set of discursive practices that establish written discourse as such.

Key words: discursive words, individual style, corpus approach, style dynamics

1. Введение в проблему

Исследования стиля письменной речи XIX в. в основном представлены работами по особенностям текстов художественной литературы (см., например, известные работы В. В. Виноградова — [Виноградов 1961; 1980], а также [Левин 1958; 1964], [Эйхенбаум 1969]). При этом в основе метода исследования лежал индивидуальный подход ученого к пониманию текста, учитывающий в большей или меньшей степени литературные особенности текста или его отдельные лингвистические характеристики. Достоверность и полнота получаемых

результатов всецело определялась кругозором исследователя и его индивидуальным восприятием формальной стороны текста, а также его семантики и прагматики. Отсутствие репрезентативных корпусов текстов, а также эффективных инструментов их обработки не давало возможности изучать возникновение и развитие языковых феноменов в широком диахроническом плане, хотя отдельные наблюдения исследователей имели определенную ценность — в том числе и для лингвистической теории [Лотман 1995]; [Пеньковский 2005].

С созданием представительных корпусов в отечественной традиции появились лингво-статистические исследования языковых феноменов дискурсов различных типов, в том числе и художественных текстов второй половины XIX в. [Шайкевич, Андрущенко, Ребецкая 2003; 2013; 2016]. В центре этих работ стояли распределения частоты употребления слов, входящих в словник корпусов, сформированных для целей каждого из этих исследований.

Корпусный подход к изучению стиля предполагает иной взгляд на текстовый материал. Анализ частоты употребления слов и синтаксических конструкций основан на выявлении тенденций в использовании лексических единиц определенных групп. Лингво-статистическая модель стиля предполагает анализ частотного распределения групп лексем, важных с точки зрения общих тенденций стилевых изменений. В данном случае мы исходим из весьма вероятной гипотезы о том, что развитие стиля художественной литературы в XIX веке и письменной речи в целом происходило за счет усложнения оформления пропозиционального содержания модальным компонентом высказывания. Иными словами, в динамике изменения стиля появлялись новые дискурсивные практики. Общепризнанная простота стиля прозы А. С. Пушкина связана с тем, что пропозиция отражала не только описываемое положение дел (ситуацию), но и ментальные и эмоциональные состояния персонажей, отношение к ним автора и другие смыслы, которые во второй половине XIX века стали оформляться как часть модуса.

Мы предполагаем, что к середине XIX века форма выражения смысла в художественном тексте начинает усложняться. Некоторая часть смыслов, «внешних» по отношению к описываемому положению дел, концентрируются в модальной рамке высказывания. Соответственно, многие лексические единицы и синтаксические конструкции, не имевшие ранее дискурсивных функций, их приобретают (см., например [Баранов, Добровольский 2018; 2019]). Этот процесс хорошо виден на примере ряда крупных писателей второй половины XIX в. Разумеется, различные авторы следуют этой тенденции в разной степени. Ф. М. Достоевский, А. Ф. Писемский и М. Е. Салтыков-Щедрин, скорее, принадлежат к новаторам, формировавшим новую стилистическую традицию, что проявлялось в двух отношениях. Во-первых, авторы-новаторы использовали больше собственно дискурсивных слов, а также недискурсивных слов в дискурсивных употреблениях. Во-вторых, спектр значения слов, допускающих дискурсивное употребление, у них был существенно шире, чем у авторов условно «старого» стиля. Таким образом, указанная тенденция проявляется в письменном тексте в том, что увеличивается количество дискурсивных слов и недискурсивных слов в дискурсивных употреблениях.

Рассмотрим указанную тенденцию к усложнению оформления пропозиции на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) — на его подкорпусе, охватывающем период с 1800 по 1900 г. (по дате создания текста). Репрезентативность этого подкорпуса внешнему пользователю оценить довольно трудно. Общий объем выбранного подкорпуса: 55 271 174 слова². Мы исходим из того, что этот подкорпус репрезентативен для большинства стилистических изменений, поскольку, например, диахронический корпус немецкого языка «Deutsches Textarchiv» (<http://www.deutschestextarchiv.de/>), включающий тексты с 1600 по 1900 г., в целом содержит 150 млн словоупотреблений, то есть в среднем на столетие приходится порядка 40 млн словоупотреблений.

В качестве объекта исследования выбрана группа единиц, которые в традиционной русской грамматике называются, «вводными словами и вводными сочетаниями слов, содержащими оценку степени достоверности сообщения» [Грамматика русского языка 1954: 153–154]: *конечно, разумеется, само собой разумеется, без сомнения, без всякого сомнения, вне всякого сомнения, вполне очевидно, судя по всему, по всей видимости, по-видимому, видимо, как кажется, казалось бы, как представляется, думается, наверно, как бы, вероятно, по всей вероятности, пожалуй, поистине, действительно*. Выбор этой группы единиц, которые далее называются вводными словами и выражениями эпистемической модальности, объясняется тем, что они в подавляющем количестве употреблений входят в модальную рамку высказывания. Отметим, что в более поздней «Русской грамматике» эта группа вводных слов описана не вполне удачно [Русская грамматика 1980].

К этой группе вводных слов и выражений относятся также формы: *бесспорно, очевидно, само собой, как видно, возможно, видимо, как бы* и некоторые другие, имеющие значительное количество недискурсивных употреблений, ср. *Это очевидно / бесспорно; Все произошло само собой; Как видно из окна, солнце скрылось*. Исследование контекстов подобных форм требует ручной фильтрации дискурсивных и недискурсивных употреблений, что представляет существенную проблему при большом объеме корпуса³. По этой причине такие выражения в проведенном эксперименте не исследовались.

Другая причина, по которой некоторые из дискурсивных единиц рассматриваемой группы не учитывались в эксперименте, — это низкая частотность употребления в НКРЯ. Так, выражение *как представляется* насчитывает всего 9 вхождений, *по всей видимости* — 9 вхождений, *вполне очевидно* — 7 вхождений. Низкая частота употребления не дает возможности сделать правдоподобные выводы о временном распределении.

² Все приводимые в статье статистические данные, если это не оговорено особо, приводятся по Национальному корпусу русского языка.

³ Отметим, что ориентация на пунктуационное выделение дискурсивных употреблений некорректна, поскольку нынешняя пунктуационная норма в отношении вводных слов в XIX в. не соблюдалась (точнее — только складывалась). Кроме того, далеко не все дискурсивные слова обособляются на письме.

Семантика усложнения модуса высказывания может также передаваться синтаксическими конструкциями с глаголами ментальной сферы. Ср. *(я) думаю, что...; (я) считаю, что...; (я) полагаю, что...; (мне) кажется, что...* Некоторые из них были привлечены для данного эксперимента с целью сопоставления с результатами, полученными для дискурсивных слов. Отсутствие корреляции между этими данными свидетельствовало бы о ложности исходной гипотезы.

Далее обсуждаются результаты проведенного эксперимента для указанной группы дискурсивных слов, разбираются контрпримеры, проводится анализ сопоставимых по семантике синтаксических конструкций, а также для некоторых единиц рассматриваются особенности частотного распределения по конкретным авторам.

2. Частотное распределение основной группы вводных слов эпистемической модальности

Результаты эксперимента на выбранном подкорпусе НКРЯ показывают, что количество вхождений соответствующих форм возрастает к середине XIX в., а затем либо держится на том же уровне, либо несколько падает. Ниже на **рис. 1** и **рис. 2** отражена динамика частоты употребления для вводных слов *вероятно, в сущности, действительно, пожалуй*⁴ (**рис. 1**), *по-видимому, конечно и разумеется* (**рис. 2**).

Большая сглаженность кривых для лексем *в сущности* и *по-видимому* объясняется другой размерностью: общее количество словоупотреблений *конечно* и *действительно* (25 931 и 15 782 соответственно) столь велико, что выбор одинаковой размерности существенно сглаживает кривые распределения менее частотных единиц (*в сущности* — 3052, *по-видимому* — 4824).

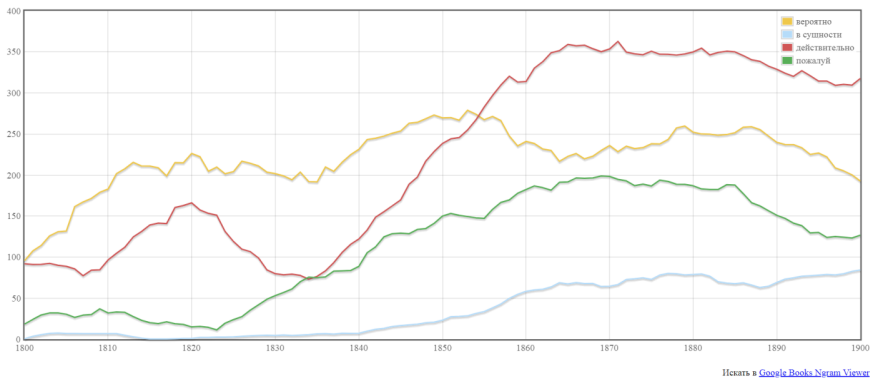
Аналогичное распределение по годам обнаруживают следующие вводные слова и сочетания слов: *само собой разумеется, без всякого сомнения, как кажется, казалось бы, думается, наверно, по всей вероятности, действительно, (как) надо полагать, (как) надо думать, как оказалось*. «Аналогичным» такое распределение является в том смысле, что в течение XIX века наблюдается общее увеличение частоты употребления соответствующих единиц, при этом варьирование в частоте может быть весьма значительным. Так, точка максимума может достигаться в середине XIX века, в 70–80 годах, с небольшими отклонениями продолжаться до конца века. Кроме того, возможны случаи, когда единица имеет несколько пиков частотности.

⁴ Дискурсивное слово *пожалуй* имеет недискурсивный омоним, ср. — *Пожалуй, мой друг, сюда поближе и скажи что такое?* Однако частота его употреблений незначительна по сравнению с дискурсивным вариантом.

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

Слова или сочетания слов, через запятую:

Годы с по со сглаживанием

[Показать таблицу](#)

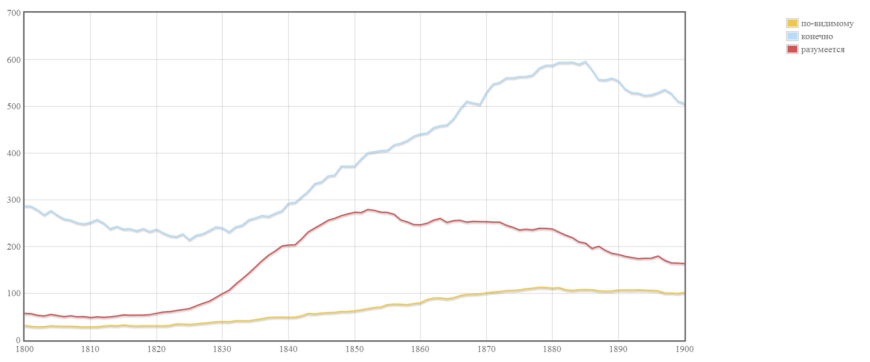
Искать в [Google Books Ngram Viewer](#)

Рис. 1. Частотное распределение по годам вводных слов *вероятно, в сущности, действительно и пожалуй*

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

Слова или сочетания слов, через запятую:

Годы с по со сглаживанием

[Показать таблицу](#)

Искать в [Google Books Ngram Viewer](#)

Рис. 2. Частотное распределение по годам вводных слов *по-видимому, конечно и разумеется*

Тип кривой отражает характер изменения частоты единицы — выпуклые кривые соответствуют относительно постепенному возрастанию частоты, а вогнутые — более динамичному, резкому. В основном на **рис. 1** и **рис. 2** представлены выпуклые кривые, за исключением распределения единиц *конечно* и *действительно*, которое сочетает вогнутые и выпуклые части. Хороший пример чисто вогнутой кривой представлен в распределении частоты выражения *казалось бы* на **рис. 3**.

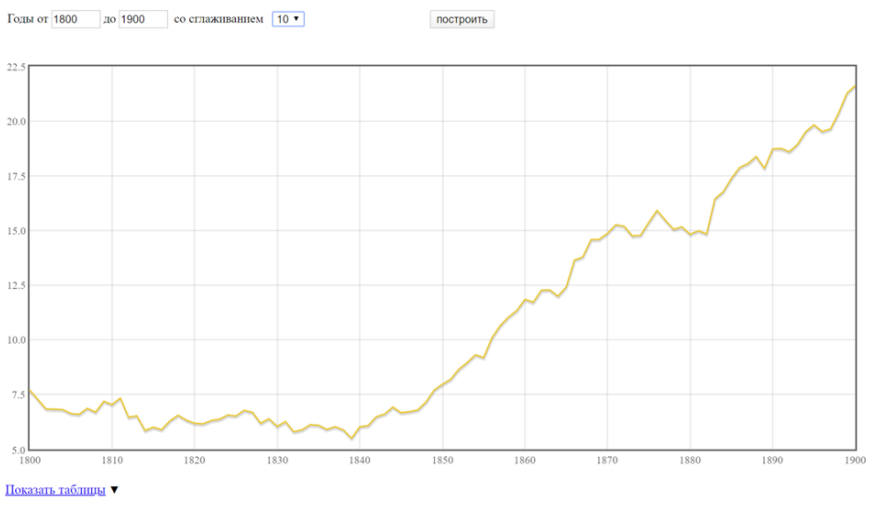

Рис. 3. Частотное распределение по годам выражения *казалось бы*

3. Частотное распределение некоторых вводных слов эпистемической модальности, выпадающее из общей тенденции

Сразу отметим, что выявленная тенденция характеризует не все типы вводных слов. Так, выражения, связанные с регулированием процесса коммуникации в диалоге, судя по всему, индифферентны к данной тенденции. Вводные обороты *видишь ли* (не подтверждает) и *видите ли* (подтверждает) в этом отношении противопоставлены. В то же время близкие по значению выражения *знаешь ли* и *знаете ли* подтверждают выявленную тенденцию. Весьма вероятно, что это связано не с общей тенденцией модификацией стиля, а с тем, насколько аутентично тот или иной писатель воспроизводит реальный диалог (что, впрочем, тоже является одним из элементов стиля).

Частотное распределение вводного слова *поистине* не подтверждает выявленную тенденцию. Однако вряд ли его можно отнести к единицам с эпистемической модальностью. Ср.: *Поистине не понимаю, какая такая польза труда!* [В. М. Дорошевич. *Русский язык*]. Семантическая функция *поистине* состоит в выражении согласия с чем-то, высказанным либо самим говорящим, либо другим человеком, а не в оценке степени достоверности утверждаемого.

Более интересны случаи, выпадающие из общей тенденции для эпистемической модальности. Так, вводный оборот *без сомнения* обнаруживает ровно противоположное распределение по годам. Ср. рис. 4.

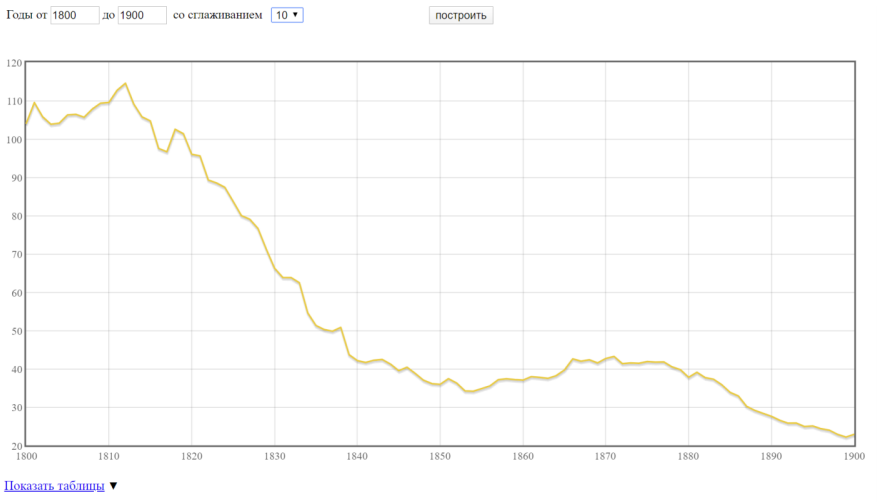

Рис. 4. Частотное распределение по годам выражения *без сомнения*

Анализ контекстов употребления и частотного распределения по годам и авторам показывает, однако, что лидирует по использованию формы *без сомнения* Н. М. Карамзин. На него приходится 175 словоупотреблений, что составляет около 8 процентов употреблений в целом и более 42% за период с 1800 по 1830 гг. Никто из авторов этого начального периода XIX в. не сопоставим по частоте употребления этого выражения (ближайший в таблице — В. Т. Наумов с около 8% употреблений). В таблице НКРЯ присутствует еще и запись [Н. М. Карамзин], то есть «вероятно, Карамзин» — всего около 4% употреблений. Если суммировать тексты Н. М. Карамзина с предположительно Карамзинскими, то получается порядка 46% словоупотреблений. Иными словами, индивидуальные особенности авторского стиля Н. М. Карамзина и объем его корпуса за указанный период могут быть причиной отклонения от общей тенденции.

4. Синтаксические конструкции с семантикой достоверности-недостоверности

Эпистемическая модальность передается не только вводными словами и словосочетаниями, но и широким классом синтаксических конструкций с глаголами типа *думать, считать, полагать*. Для проверки высказанной гипотезы естественно сопоставить динамику использования вводных — шире дискурсивных — слов указанной семантики с конструкциями (*я*) *думаю, что...*, (*я*) *полагаю, что...*, (*я*) *считаю, что...* Первое лицо в данном случае важно потому, что в таких формах в явном виде передается оценка достоверности пропозиции говорящим. К этой же группе относится синтаксическая конструкция *мне кажется, что...* Анализ письменных текстов НКРЯ за 1800–1900 годы показывает, что конструкция (*я*) *считаю, что...* малоупотребительна (64 вхождения). Тем самым, ее следует исключить из рассмотрения.

Частотное распределение оставшихся трех выражений выглядит следующим образом (рис. 5):

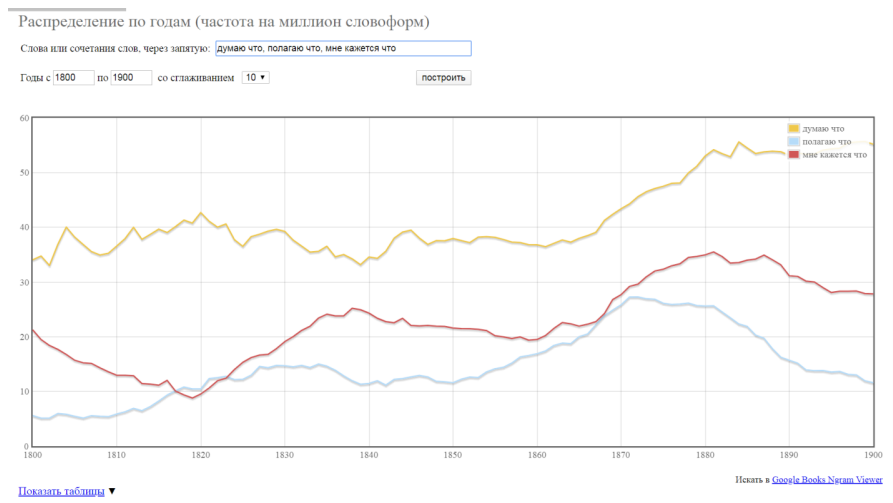

Рис. 5. Частотное распределение по годам конструкций *думаю, что; полагаю, что; мне кажется, что*

Установленное частотное распределение указанных синтаксических конструкций повторяет тенденцию, выявленную на материале вводных слов с эпистемической модальностью. Во второй половине XIX века наблюдается очевидное увеличение частоты употребления этих конструкций. Ближе к XX веку частота снижается, что может быть объяснено освоенностью новой дискурсивной практики. Аналогичный эффект «затухания частоты» обнаруживается и для некоторых вводных слов — ср. кривые частоты употребления *пожалуй, вероятно, действительно, конечно, разумеется* на рис. 1 и 2.

5. Достоевский и современники

Выявленная тенденция изменения стиля письменной речи в наибольшей степени проявляется у Ф. М. Достоевского и некоторых его известных современников: у Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Ф. Писемского, П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова и И. С. Тургенева. В статистике по употреблением рассматриваемой группы вводных слов и исследованных синтаксических конструкций данные авторы устойчиво занимают достаточно высокие места. Большинство из них входит, как минимум, в первую десятку авторов, наиболее часто использующих соответствующие выражение. В таблицах 1–4, отражающих статистику использования дискурсивных единиц *пожалуй, конечно, разумеется* и синтаксической конструкции *полагаю, что...* в XIX веке, первые места занимают многие из указанных писателей (в таблицах указанные авторы выделены темным фоном). Отметим, что нас в данном случае интересует, кто

из авторов использует исследуемые формы чаще, чем другие — вне зависимости от того, насколько эти выражения частотны в индивидуальном словаре конкретного автора. Именно эта статистическая информация и приводится в таблицах.

Таблица 1. Первые десять авторов XIX в., наиболее часто использующих слово *пожалуй*

Значение	Найдено документов	Найдено словоформ
М. Е. Салтыков-Щедрин	94	691 (8,37%)
Ф. М. Достоевский	25	645 (7,81%)
А. Ф. Писемский	29	444 (5,38%)
П. И. Мельников-Печерский	12	328 (3,97%)
И. А. Гончаров	19	298 (3,61%)
В. В. Крестовский	6	240 (2,91%)
А. Н. Островский	25	216 (2,62%)
М. Н. Загоскин	8	184 (2,23%)
Г. И. Успенский	41	183 (2,22%)
Д. Н. Мамин-Сибиряк	24	163 (1,97%)

Из приведенной таблицы следует, что дискурсивное слово *пожалуй* наиболее характерно для индивидуального стиля Салтыкова-Щедрина (8,38% всех употреблений этого слова за XIX век), Достоевского (7,81%) и Писемского (5,38%). Отметим, что по полному корпусу текстов Достоевского количество употреблений данного слова существенно больше: 848. Из этого, правда, не следует, что Достоевский действительно превосходит других писателей XIX века по использованию *пожалуй*, поскольку полнота представленности текстов других писателей этого времени в НКРЯ нам неизвестна. При этом близкая по семантике дискурсивная единица *как кажется* нехарактерна для Достоевского (всего 6 употреблений по НКРЯ), но вполне частотна для Салтыкова-Щедрина (25 употреблений), который продолжает оставаться самым частотным автором и по этому выражению.

Таблица 2. Первые десять авторов XIX в., наиболее часто использующих слово *конечно*

Значение	Найдено документов	Найдено словоформ
М. Е. Салтыков-Щедрин	133	1943 (7,48%)
Ф. М. Достоевский	28	1827 (7,03%)
А. Ф. Писемский	35	1265 (4,87%)
Н. Э. Гейнце	7	734 (2,83%)
Н. С. Лесков	46	617 (2,38%)
К. Н. Леонтьев	46	554 (2,13%)
Е. А. Салиас	6	539 (2,08%)
Д. Н. Мамин-Сибиряк	31	538 (2,07%)
М. Н. Загоскин	8	464 (1,79%)
И. А. Гончаров	21	435 (1,67%)

В употреблении *конечно* Салтыков-Щедрин опять возглавляет список самых частотных писателей (7,48%). Впрочем, Достоевский не сильно ему уступает (7,03%), причем по нашему (более полному) корпусу текстов этого автора рассматриваемое дискурсивное слово насчитывает 2514 вхождений, что превосходит абсолютную величину употреблений у Салтыкова-Щедрина. Однако по указанным выше причинам сделать вывод о приоритете Достоевского не представляется возможным. Впрочем, в данном случае существенно, что наши авторы в целом лидируют в списке наиболее частотных по рассматриваемым дискурсивным словам.

Таблица 3. Первые десять авторов XIX в., наиболее часто использующих слово *разумеется*

Значение	Найдено документов	Найдено словоформ
М. Е. Салтыков-Щедрин	108	1181 (10,37%)
Ф. М. Достоевский	27	952 (8,36%)
Н. С. Лесков	44	520 (4,57%)
А. Ф. Писемский	25	380 (3,34%)
К. М. Станюкович	28	270 (2,37%)
А. И. Герцен	14	245 (2,15%)
М. Н. Загоскин	7	236 (2,07%)
Л. Н. Толстой	29	218 (1,91%)
Н. А. Добролюбов	20	211 (1,85%)
И. С. Аксаков	2	209 (1,83%)

Рассматриваемое дискурсивное слово наиболее частотно у Салтыкова-Щедрина (10,37%) и у Достоевского (8,36%). Остальные авторы существенно отстают в частоте употребления — как минимум вдвое (Лесков — 4,57%). Интересно также, что у Салтыкова-Щедрина *разумеется* распределено по 108 произведениям, что говорит об устойчивости употребления вне зависимости от жанровых характеристик.

В использовании синтаксической конструкции эпистемической семантики (*я полагаю, что* единственным лидером оказывается Салтыков-Щедрин с 11,26% процентами употреблений. Вторая группа авторов — Писемский, Достоевский, Толстой, Чайковский и др. — отстает от лидера как минимум в два раза. Как и предшествующих случаях, отметим, что полный корпус Достоевского дает другие результаты — 90 употреблений против 35 в НКРЯ, что приближает Достоевского к Салтыкову-Щедрину, если считать, что в НКРЯ представлен достаточно полный корпус текстов этого автора.

Таблица 4. Первые десять авторов XIX в., наиболее часто использующих форму *полагаю*, что

Значение	Найдено документов	Найдено словоформ
М. Е. Салтыков-Щедрин	36	109 (11,26%)
А. Ф. Писемский	13	49 (5,06%)
Ф. М. Достоевский	11	35 (3,62%)
Л. Н. Толстой	8	26 (2,69%)
П. И. Чайковский	7	25 (2,58%)
Н. И. Пирогов	1	25 (2,58%)
А. Ф. Кони	7	23 (2,38%)
А. А. Фет	8	20 (2,07%)
Е. А. Салиас	6	18 (1,86%)
В. Д. Спасович	4	18 (1,86%)

Близость рассматриваемой группы авторов XIX в. — Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, А. Ф. Писемского, П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова и И. С. Тургенева — по частоте использования исследуемых дискурсивных слов и выражений неслучайна. Эти писатели принадлежат к одному поколению и используют близкие жанровые формы, что позволяет предположить, что различия в их языках объясняются особенностями индивидуальных стилей, которые в целом формируют языковой вкус эпохи.

Дискурс определяется совокупностью дискурсивных практик [Баранов 2000: 246]. Здесь была рассмотрена лишь одна из дискурсивных практик, менявшая стиль художественной литературы на протяжении XIX века. Интересно, что эта дискурсивная практика была присуща лишь группе писателей-новаторов, которые, однако, в силу таланта, общественной значимости и количества опубликованных текстов оказали существенное влияние на язык художественной прозы. Разумеется, эта стратегия не была целенаправленной: речь не идет о политике языкового строительства. Скорее, это внутренняя тенденция развития языка и мышления, проявляющаяся в концентрации смысла в более коротких по форме, но более сложных по внутренней организации речевых высказываниях. Конечно, достоверность наших выводов в значительной мере основывается на допущении о репрезентативности исследованного подкорпуса, что, впрочем, не противоречит нашей интуиции.

В заключение следует подчеркнуть, что существенные характеристики стиля определяются не одной дискурсивной практикой. Тем самым, для изучения динамики стиля художественной литературы XIX века необходимо выявление и описание и других дискурсивных практик.

Литература

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: УРСС, 2000.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. *Кстати и некстати*: к речевым практикам Достоевского // Русский язык в научном освещении, № 1 (35), 2018. С. 33–45.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Дискурсивные слова в корпусном измерении: одним словом у Достоевского и его современников // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог» (2019). Выпуск 18 (25). М.: РГГУ, 2019. С. 41–52.
4. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гос. изд. художественной литературы, 1961.
5. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
6. Грамматика русского языка. Т. 2, Синтаксис. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
7. Левин В. Д. Краткий очерк истории русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1958.
8. Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. М.: Наука, 1964.
9. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 472–762.
10. Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филол. герменевтики. М.: Языки славянской культуры, 2005.
11. Русская грамматика: В 2-х т. М.: Наука, 1980.
12. Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянских культур, 2003.
13. Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Том 1. М.: Языки славянских культур, 2013.
14. Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Том 2. М.: Языки славянских культур, 2016.
15. Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л.: Художественная литература, 1969.

References

1. Baranov A. N. (2000), Introduction to Applied Linguistics [Vvedeniye v prikladnyuyu lingvistiku], URSS, Moscow.
2. Baranov A. N., Dobrovolskiy D. O. (2018), *Kstati and nekstati*: discourse practices in Dostoevsky's works [*Kstati i nekstati*: k rechevym praktikam Dostoyevskogo], Russian language and linguistic theory [Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii], No. 1 (35), pp. 33–45.

3. Baranov A. N., Dobrovol'skiy D. O. (2019), Discursive words in corpus dimension (odnim slovom in the works of Dostoevsky and his contemporaries) [Diskursivnyye slova v korpusnom izmerenii: odnim slovom u Dostoyevskogo i yego sovremennikov], Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the international conference "Dialogue" (2019). Issue 18 (25) [Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii. Po materialam mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» (2019). Vypusk 18 (25)], Russian State University of Humanities, Moscow, pp. 41–52.
4. Eykhenbaum B. M. (1969), On prose [O proze], Khudozhestvennaya literatura, Leningrad.
5. Levin V. D. (1958), A brief outline of the history of the Russian literary language [Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka], Uchpedgiz, Moscow.
6. Levin V. D. (1964), A sketch of the stylistics of the Russian literary language of the late XVIII — early XIX century [Ocherk stilistiki russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII — nachala XIX v.], Nauka, Moscow.
7. Lotman Yu. M. (1995), Roman A. S. Pushkin “Eugene Onegin”: Comment [Roman A. S. Pushkina «Yevgeniy Onegin»: Kommentariy], Lotman Yu. M. Pushkin: Biography of a writer; Articles and notes, 1960–1990 [Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat'i i zametki, 1960–1990], Iskustvo-SPB, St. Petersburg, pp. 472–762.
8. Pen'kovskiy A. B. (2005), Riddles of the Pushkin text and dictionary: A study in philological hermeneutics [Zagadki pushkinskogo teksta i slovarya: Opyt filologicheskoy germenevtiki] Yazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow.
9. Russian grammar. Vol. 2, Syntax. Part 2 (1954) [Grammatika russkogo yazyka. T. 2, Sintaksis. Ch. 2], Izd. AN SSSR, Moscow.
10. Russian grammar: in 2 vol. (1980) [Russkaya grammatika: V 2 t.], Nauka, Moscow.
11. Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. (2003), Statistical Dictionary of Dostoevsky [Statisticheskii slovar' yazyka Dostoyevskogo], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow.
12. Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. (2013), Distributive-statistical analysis of the language of Russian prose of 1850–1870-ies [Distributivno-statisticheskii analiz yazyka russkoy prozy 1850–1870-kh gg], Vol. 1, Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow.
13. Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. (2016), Distributive-statistical analysis of the language of Russian prose of 1850–1870-ies [Distributivno-statisticheskii analiz yazyka russkoy prozy 1850–1870-kh gg], Vol. 2, Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow.
14. Vinogradov V. V. (1961), On Authorship and the Theory of Style [Problema avtorstva i teoriya stiley], Gos. izd. khudozhestvennoy literatury, Moscow.
15. Vinogradov V. V. (1980), Selected Works. On the language of fiction [Izbrannyye trudy. O yazyke khudozhestvennoy prozy], Nauka, Moscow.